

«Иногда мне хочется украсть банан»

“О покойниках или хорошо, или ничего”. Но почему только о покойниках?! Почему при жизни не сказали мы Евгению Леонову или Евгению Евстигнееву, что они - Великие Артисты, а вот теперь говорим? У нас много живых Великих Артистов - Евгений Лебедев, Сергей Юрский, Олег Табаков - очень много. С Львом Дуровым знакомы мы со студенческих лет, и мне как-то странно писать, что Лева - Великий Артист. Но ведь это так: Дуров - Великий Артист...

Обо всем этом я думаю, сидя в ложе Театра на Малой Бронной на спектакле “Бесстыжая” - первой части трилогии по “Идиоту” Достоевского. На сцене - отставной генерал Иволгин - Лев Дуров - человекичко ничтожный, жалкий в своей вдохновенной лжи. Черт поberi, но как он двигается, почему так ноги ставит! Как он узнал, как ходили отставные генералы сто лет назад? Сейчас Лева выбежит со сцены, я, крадучись, выйду из ложи, и мы поговорим...

- Да что театр? Театр вторичен. Давай о людях вообще говорить. Быть может, это не для печати, но я тебе откроюсь. Страшно признаться, но день ото дня я все больше разочарываюсь в русском народе, в наших с тобой соотечественниках. Нет, я не о преступниках, не о ворах. Ну у тебя угнали “Жигули”, у Булата Окуджавы обворовали дачу. Ужасно, но понятно. Но вот недавно отремонтировали дом, где я живу. Чистый, светлый подъезд. И на новой стене кто-то отпечатал грязные следы сапог. Зачем?! Объясни, я не понимаю! Зачем выбивают прозрачную плитку на троллейбусных останках? Ведь ее не крадут, что было бы понятно, а разбивают! Ломают телефоны-автоматы. Но ведь отец этого разрушителя может умереть от сердечного приступа, потому что нельзя будет вызвать “Скорую”. Или, действительно, в русских живет некая генетическая страсть к разрушительству? Наверное... Я в Израиле ехал мимо банановых плантаций и поймал себя на мысли, что мне хочется залезть туда и украсть банан! Бананов этих там - горы, но хотелось именно украсть. Или это в нас воспитали? Я однажды был в лагере, беседовал с убийцей. Деликатно так все подлезжал к нему с вопросом: “Ну как же так можно все-таки человека убить?” А он мне в ответ:

- Ты говорил, что в твоём доме Каганович живет. Вот ты у него и спроси. Почему ему можно милли-

Дуров Лев Константинович, народный артист СССР.

Сколько сыграно ролей в театре и кино, сказать на может, не считал.

Ведущий артист и режиссер Московского театра на Малой Бронной.

Происходит из старинного дворянского рода Дуровых, известных с 1540 года.

Восемь стольников Петра Великого, легендарная “кавалерист-девица”

Надежда Дурова, знаменитые клавны и дрессировщики Анатолий и Владимир Дуровы - его родня.

На вопрос, член ли он нынешнего Дворянского собрания,

Лев Константинович ответил с грустной улыбкой: “Я в другом театре...”

оны убить, а мне одного нельзя?

Ужасно, но я не знал, что ему ответить... А ты говоришь - “театр”!

- И все-таки театр. Ты - актер предельной широты диапазона, полные 360 градусов, нет “твоего образа”, штампа, я считаю, и можешь играть кого угодно. И все-таки, кто тебе интересен больше: герой или мерзавец?

- Мне интересна роль, не важно, большая она или маленькая, мне интересны пружины характера. В “17 мгновений весны” я снялся в маленькой роли провокатора. Почему он стал провокатором? А ведь там есть ключевое слово, которое зрители и не заметили, но которое все объясняет. Его спрашивают: “А вы не пробовали писать?” Пауза, потом он тихо говорит: “Нет...” Врет! Пробовал! Он несостоявшийся писатель, который мстит всему человечеству за то, что он не состоялся, понимаешь?

- Мне очень нравилось, как ты играл классического мерзавца - Яго в “Отелло”...

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

- Тоже интересный тип! Яго сложнее Отелло. Кто-то даже писал, что трагедию Шекспира назвать надо не “Отелло”, а “Яго”. Зачем Яго запускает свою интригу? Деждемона ему нужна? Нет, не нужна. Отелло он ненавидит? Не столько ненавидит, сколько завидует: черный, а уже генерал, а он белый, но поручик. Почему мальчишка Кассио выходит в начальники, а он - старый вояка - на месте топчется? “Отелло” - трагедия не любви, а зависти. Яго побеждает в интриге, но не в жизни. Эфрос ведь как придумал в финале: я пытался лезть по лестнице и не мог, висел на одной руке, как тряпка...

- Анатолий Эфрос - главная встреча в твоей жизни...

- Конечно! Другого такого режиссера у меня не будет никогда. Это очень сложный, даже трудный

Театр это прекрасно и страшно и опасно и иногда не хочется играть, а в первую очередь не хочется играть в роли и надеяться...
Дуров

человек, но мы были больше, чем друзья: я понимал его по движению бровей. И в то же время он, сам втянувший меня в режиссуру, гримил все мои спектакли.

- А вообще у него были авторитеты в театральной режиссуре?

- Были. Юрий Любимов, Михаил Туманишвили. Но он очень редко кого-нибудь вообще хвалил. Ну вот сам чувствуешь: сегодня хорошо получилось. На польеме уходишь со сцены, Эфрос

стоит в кулисе, все видел, все понимает, но никогда ни одного доброго слова. В лучшем случае хлопает тебя по плечу.

- А за что ты бы сам себя хлопнул по плечу?

- Это очень субъективно. Сам я считаю, что моя лучшая в жизни роль - в спектакле “Брат Алеша” по “Братьям Карамазовым” Достоевского. Все актеры - хвастуны, и я, наверно, тоже. Но понимаешь, как бы это точнее сказать... Я там смог сделать то, что не каждый сможет. Это я точно знаю... Однажды, когда я играл, в зале раздался какой-то короткий, но громкий, какой-то птичий, крик, бессловесный, как от боли. Потом мне сказали, что это вскрикнул Дмитрий Дмитриевич Шостакович...

Когда спектакль на Бронной кончился, мы с Левою поехали в Школу-студию МХАТ, где бывший ее выпускник - Лев Константинович Дуров - поставил со своими студентами “Три сестры”. Сегодня в студии спектакль, и он должен был быть рядом... Ребята играли замечательно. А главное - они такие молодые. Обычно в “Трех сестрах” заняты солидные актеры, а ведь у Чехова они молодые. После спектакля ребята ушли, а мы сидели с Левою на маленькой сцене, где я не был сорок лет, и вспоминали молодость. Как знаменитый теперь режиссер Петья Фоменко перегородил улицу Горького пустыми аптечными пуз-ырьками и его отчислили из студии. Как Сашку Косолапова в райкоме исключили из комсомола за выпивку и один секретарь спросил: “Что бы, глядя на тебя, сказал Константин Станиславский?” Сашка

вдруг заплакал так естественно, что все бросились его утешать и вместо исключения поставили “на вид”...

- Кого ты хотел бы сыграть, но не сыграл?

- Царя Федора. Может быть, я сыграл бы хуже Москвина, но тоже, мне кажется, неплохо бы сыграл...

Беседовал Ярослав ГОЛОВАНОВ.